DK263
.S64

ОКОЛИНСКИЙ

КРАСНАЯ ПРЕСНЯ
ПРЕД ЦАРСКИМ СУДОМ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK263
.S64

А. СОКОЛИНСКИЙ

КРАСНАЯ ПРЕСНЯ
ПРЕД
ЦАРСКИМ СУДОМ

К 20-ТИЛЕТИЮ
МОСКОВСКОГО
ВООРУЖЕННОГО
ВОССТАНИЯ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

DK 263
.S64

Мосполиграф
*
10-я типография
„ЗАРЯ КОММУНИЗМА"

Чистые пруды, 8.
Телефон 5-64-46.

Главлит 44014.
Заказ № 1908.
Тираж 4000 экз.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В задачу автора настоящего очерка не входит описание всей картины или даже отдельных эпизодов московского вооруженного восстания в декабре 1905 года, ждущего, кстати сказать, несмотря на обилие обнародованных уже материалов о нем, своего историка или, лучше сказать,—историков. Задача автора—восстановить в памяти читателя только „ликвидацию" в царском суде этого наиболее яркого момента первой революции,—ликвидацию, о которой до сих пор ничего не написано.

Как это ни странно на первый взгляд, но царское правительство, имея в своем распоряжении хорошо налаженный следственный и судебный аппарат, уйму жандармских охранок и, наконец, массу добровольцев-предателей из среды серого обывателя,—из всей эпопеи вооруженного восстания с грехом пополам сумело создать лишь три, в сущности довольно тусклых судебных процесса, с 200-ми подсудимых, среди которых отсутствовали главные организаторы и руководители вооруженного восстания.

Эти три судебных процесса были следующие: 1) дело о вооруженном восстании в Москве, 2) о вооруженном восстании на Пресне и 3) так называемое „фидлеровское дело"*). По первому делу всего было привлечено 32 обвиняемых,

*) Другие политические процессы, разбиравшиеся в Москве, как, например, дело телеграфистов Моск.-Казанской ж. д., дело председателя Всероссийского железнодорожного союза В. Н. Переверзева, соединенное дело председателя и тов. председателя Октябрьского московского стачечного комитета и газеты „Вечерняя Почта", хотя и тесно связанные с революционным движением 1905 года, но не имевшие прямого отношения к декабрьским событиям, я исключаю. *А. С.*

по второму—68 и по третьему—103 обвиняемых, из которых были освобождены от суда четверо: двое сошедших с ума от нервного потрясения во время расстрела дома Фидлера артиллерийским огнем и остальные, как не достигшие 17-летнего возраста и действовавшие без разумения.

Все три дела, как известно, разбирались в Особом Присутствии Московской Судебной Палаты, т.-е. в гражданском суде.

По циркулировавшим тогда вполне достоверным слухам, в первый момент было решено судить всех привлеченных по делам о вооруженном восстании военным судом, но затем в административном и судебном ведомствах начался спор о подсудности.

В конце декабря или в начале января, точно не помню, допрашивавший меня в Басманной больнице, куда я 9 декабря был доставлен вместе с другими ранеными у дома Фидлера, молодой кандидат на судебные должности по секрету сообщил мне, что неизвестно, какому суду предадут нас, но добавил, что имеются некоторые основания надеяться на передачу дела в гражданский суд. Он же признался, что в прокурорском надзоре и в следовательских камерах царит страшная неразбериха в виду подавляющей массы обрушившейся на них работы.

15 ноября 1906 года царское правительство начало ликвидацию московского вооруженного восстания. Так как для правительства было отчасти загадкой—как встретит эти процессы рабочая масса, год назад активно участвовавшая в вооруженном восстании, то, очевидно, в виде „пробного шара“ первым было назначено „дело 32“, как его называли тогда некоторые газеты,—самое, если можно так выразиться, „мирное дело“ из всех тех, по крайней мере, по обывательскому составу его участников, начиная от бывшего приказчика и кончая городским базарным смотрителем-стариком. Среди этой серой обывательской массы выделялся один подсудимый—рабочий Прохоровской фабрики Григорьев, почему-то не попавший в дело своих товарищей по фабрике. Он обвинялся в вооруженном нападении на городового.

Дело слушалось в „Митрофаньевском“ зале Судебных Установлений. У страха глаза велики: по обилию полицей-

ских и солдат в вестибюле, в коридорах и в самом зале заседаний — здание суда в те дни напоминало военный лагерь.

Как и следовало ожидать, на суде московское вооруженное восстание, это первое вооруженное выступление „древлепрестольной столицы" против самодержавного правительства, затушевывалось, временами забывалось в бесконечном потоке показаний свидетелей — дворников, квартирных хозяек, мелких лавочников, кумовьев и сватьев подсудимых, их друзей и недругов, принесших в суд свою своеобразную психологию, обывательское освещение событий и свои мелкие счеты, дружбу и вражду с обвиняемыми.

И среди этой обывательской многоголосицы, как яркая молния среди туч, иногда ударяли по нервам попутно вскрывавшиеся отдельные эпизоды из пресненских декабрьских дней.

Так, защитником прис. пов. Ивановым было установлено на суде, что невручение повесток 10 свидетелям об'ясняется тем, что все эти свидетели в декабре 1905 года были расстреляны на Пресне.

Свидетели муж и жена Филипповы, под умелым допросом защиты, признались в своей прикосновенности к охранному отделению и в том, что они „работали" в охранке, так сказать, „сдельно", получая по 50—70 руб. за каждую выданную ими голову. Филиппова, бахвалясь, не без гордости говорила, что ей, между прочим, было дано охранкой чрезвычайно „деликатное поручение"—найти и указать убийц начальника Московского сыскного отделения Войлошникова. Пользуясь своим знакомством с прохоровскими рабочими, свидетельница, по ее словам, успешно исполнила поручение.

Свидетель, пристав 3 участка Пресненской части Шокотко, с непередаваемой наглостью рассказывал на суде, что московское население вообще и прохоровские рабочие в частности будто бы были очень довольны действиями семеновцев, а прохоровцы даже благодарили полк за подавление восстания, которое мешало им мирно работать на фабрике.

Разумеется, заявление это было покрыто громким смехом подсудимых и публики.

Приговор был неожиданно „мягкий": только двое получили каторжные работы, другие были приговорены в исправительные арестантские отделения; 13 человек оправдано.

За такой приговор председатель Московской Судебной Палаты Арнольд получил по телеграфу выговор от министра Щегловитова и немедленно подал в отставку. Чуть ли не на другой день после окончания „дела 32-х", в кулуарах суда определенно говорили, что пресненское дело будет проведено иначе, что председательствовать будет Зорин, которому уже даны определенные „указания". Бездарный прокурор Золотарев был заменен более „способным" обвинителем—Равским. Правительство из опыта первого дела сделало нужные выводы и приняло все имевшиеся в его распоряжении законные и незаконные меры для получения реванша на пресненском процессе.

Но и без отношения к описанному выше делу, царское правительство придавало пресненскому процессу первенствующее значение, с одной стороны, потому, что в кровавой эпопее 1905 года события на Пресне несомненно представляли самую яркую страницу, а с другой—по исключительно рабочему составу подсудимых, среди которых случайными персонажами были подросток-гимназист, городская учительница и сын мелкого торговца К. Филиппов.

ПРЕСНЕНСКОЕ ДЕЛО

28 ноября 1906 года в Особом Присутствии Московской Судебной Палаты началось слушанием дело о вооруженном восстании на Пресне. Заседание происходило в самом обширном по размерам Екатерининском зале Судебных Установлений.

В коридорах—усиленные наряды полиции, но в несколько меньшем размере, чем на первом процессе. В отличие от „громких" процессов, собиравших обычно буржуазию, блиставшую своими туалетами,—на местах для публики исключительно платочки, пиджаки и блузы рабочего люда. Это все родственники и знакомые подсудимых. По делу вызвано 178 свидетелей, один военный эксперт по оружию и два врача.

Из 62 наличных обвиняемых (шестеро не явились) 22 под конвоем, остальные на свободе. Возраст их—от 17 до 38 лет. Ко всем обвиняемым, не исключая и находящихся на свободе, пред'явлено обвинение по 100 статье, карающей смертной казнью.

При вводе обвиняемых в зал находящиеся под стражей и на свободе приветствуют друг друга радостными восклицаниями. Бодро и весело звучат молодые голоса подсудимых, как будто они собрались на митинг. Видимо, предстоящая расправа царских судей нисколько не волнует их.

По признанию самой обвинительной власти, среди подсудимых отсутствуют главные организаторы и руководители вооруженного восстания на Прохоровской фабрике, как-то: „Седой", „Медведь", „Мартынов", „Ильин", „Андреев" и „Павлова".

Нет на скамье подсудимых и вождей революционных рабочих фабрики Мамонтовых: Князятова, Романова, Липина и Ефимова.

Среди находящихся под стражей две молодые девушки—С. Г. Мухина и М. А. Козырева. Маленькая, худая, с короткими волосами, интеллигентным лицом и живыми умными глазами, Мухина, по революционной кличке „Пчелка",—это девушка-легенда, которой стоустая московская молва в декабрьские дни приписывала героические подвиги на баррикадах, в разведках, при обезоружении солдат. На суде она—одна из числа обвиняемых, которым судебная власть приписывает идейное и организационное руководство пресненским вооруженным восстанием. Обвинительный акт вменяет ей в вину участие в составе прохоровского революционного боевого комитета (бюро) и активное участие в действиях боевой дружины.

У Козыревой простое, круглое лицо крестьянки с несколько наивными глазами и добродушной улыбкой. Обвинительный акт также приписывает ей непосредственное активное участие в партизанских боевых выступлениях прохоровской боевой дружины.

Среди находящихся под стражей фабричных депутатов—бывший „зубатовец" Дмитриев, при ликвидации восстания скрывшийся и затем добровольно явившийся в полицию с повинной и давший следственной власти богатый обвинительный материал против своих товарищей. В той же группе выделяется фигура прохоровца Честнова, молодого, крепкого рабочего с энергичным лицом. На нем красная рубаха.

В группе находящихся на свободе—городская учительница Дробинская. Она сидит на самом краю дальней скамейки, немного поодаль от остальных товарищей, и этим как бы подчеркивает свое случайное присутствие среди них. Она обвиняется в устройстве столовой для дружинников в декабрьские дни, когда Красная Пресня, окружив себя со всех сторон баррикадами, жила своей обособленной жизнью военного лагеря и имела свои питательные пункты.

При проверке списков подсудимых и свидетелей выясняется, что из числа первых не явилось 6 чел. и из числа вторых—около 50 чел.

По поводу неявки „свидетелей" офицеров Семеновского полка А. А. Свешникова, Л. Г. Тимрота и Э. Л. Левенстрема оглашается отзыв командира полка (Мина), сообща-

ющего Палате, что свидетели не могут явиться „в виду особых обстоятельств настоящего времени“,—иначе сказать, боятся расправы над ними за их подвиги на Пресне.

В дальнейшем выясняется, в каких условиях протекало судебное следствие и как обвинительная власть пеклась об ограждении интересов подсудимых.

Несколько обвиняемых из находящихся под стражей заявляют, что они не имели возможности ознакомиться хотя бы поверхностно со следственным производством. Последнее представляло из себя 26 томов, и для обозрения его одних приводили в Палату 3—4 раза, а других только однажды. И те и другие при всем желании не могли быстро разобраться в этой груде рукописного материала.

Такое заявление—законнейший повод для отложения дела. Но председатель Зорин с первого же момента дал почувствовать и подсудимым и защите свою властную руку.

Ходатайство защиты об отложении дела на несколько дней, чтобы дать возможность обвиняемым ознакомиться со следствием, Палатой отклоняется.

Дальше происходит другой характерный эпизод.

Один свидетель защиты не получил повестки, как ошибочно названный вместо Антонова Антиповым.

На просьбу защитника послать свидетелю другую повестку, Палата постановляет:

— Отклонить.

Защитник вторично возбуждает ходатайство, доказывая царским судьям, что из-за простой описки писца, из-за двух букв, обвиняемый лишается необходимого ему свидетеля.

И только после этого второго ходатайства Палата решает послать свидетелю повестку.

Затем оглашается обширный обвинительный акт, из которого мы приводим лишь наиболее существенные моменты.

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ НА ПРЕСНЕ

Вооруженное восстание краснопресненских рабочих по данным обвинительного акта рисуется в следующем виде:

„Во второй половине октября 1905 года среди рабочих фабрики Прохоровской Трехгорной мануфактуры стало

замечаться некоторое брожение. С этого времени рабочие начали усердно посещать устраивавшиеся в разных местах города собрания, на которых велась революционная агитация, и под ее влиянием настроение рабочих стало резко изменяться. По настоянию рабочих выбранные ими ранее для сношения с правлением фабрики старосты начали отказываться от исполнения своих обязанностей, и на их место рабочими были выбраны депутаты от каждой мастерской. Одновременно в спальнях рабочих стали устраиваться многолюдные собрания, на которых принимали участие посторонние фабрике лица. На этих собраниях ораторы, как из числа рабочих депутатов, так и посторонние, призывали аудиторию к экспроприации земли и фабрик, к изменению существующего государственного строя и к замене царского абсолютизма демократической республикой, и доказывали необходимость готовиться для этой цели к вооруженному восстанию.

По предложению выступавших на собраниях ораторов рабочими из среды депутатов были выбраны делегаты от фабрики в числе 12 человек для участия в „Совете рабочих депутатов". Эти депутаты скоро приобрели огромное влияние на рабочую массу и к началу декабря стали самостоятельно распоряжаться фабричной жизнью. В течение ноября у рабочих начало появляться огнестрельное оружие, и по вечерам на прилегающих к фабрике улицах стали раздаваться одиночные револьверные выстрелы.

Одновременно с устройством собраний в спальнях рабочих Прохоровской м-ры такие же собрания стали происходить на соседней фабрике Мамонтовых в помещении чайной, при чем на них, кроме местных рабочих, принимали также участие рабочие Прохоровской фабрики и лица, не принадлежащие по профессии к фабричным рабочим. Здесь произносились аналогичные речи, призывавшие к вооруженному восстанию.

В начале декабря на улицах Пресни начали появляться группы рабочих, требовавших закрытия фабричных и торговых заведений, а по ночам вооруженные огнестрельным оружием люди, ходившие поодиночке и группами в несколько человек, стали нападать на постовых городовых. Так, в ночь на 5 декабря в районе Пресни были ранены два городовых и один убит.

7 декабря, в 12 час. дня, по приказанию депутатов, работы на Прохоровской фабрике были остановлены, после чего огромная толпа рабочих, неся красные флаги с надписями: „Земля и Воля“, „Вооруженное восстание“, вышли за ворота фабрики и там соединились с другой толпой, во главе которой шли вооруженные револьверами люди. Точно по сигналу в тот же час были остановлены работы на всех фабриках Пресненского района. Толпы рабочих, под предводительством посторонних лиц, начали обходить промышленные и торговые заведения и силой заставляли их присоединяться к всеобщей забастовке. Появлявшиеся на улицах наряды полиции должны были отступать перед рабочими, так как последние встречали их градом камней и выстрелами из револьверов.

9 декабря на Прохоровской фабрике, по требованию рабочих, была произведена выдача заработанных денег, при чем депутатами производился вычет с каждого рабочего в размере 1% полученной им платы; часть удержанных денег предназначалась „на забастовку“, а другая часть—„на депутатов“. После прекращения работ собрания в фабричных спальнях происходили почти беспрерывно, при постоянном участии посторонних фабрике лиц. 10 декабря вечером в районе Пресни были разбиты все фонари, и улицы погрузились во мрак.

С этого же вечера началась постройка уличных заграждений, и на следующий день Большая и Малая Пресни, Звенигородское шоссе и все прилегающие переулки, а также Пресненский и Горбатый мосты были перегорожены целым рядом баррикад. Большая часть этих баррикад была воздвигнута рабочими Прохоровской фабрики при участии рабочих других фабрик, по указанию и под руководством посторонних лиц. На постройку баррикад употреблялись спиленные телеграфные и фонарные столбы, снятые у домов ворота и калитки, разные бревна и доски, бочки, сани, снятое с крыши кровельное железо, при чем все эти предметы перепутывались обрезанной телеграфной и телефонной проволокой. 11 декабря толпа рабочих Прохоровской фабрики отобрала у пожарной команды фабрики железные ломы, которые и были употреблены ими для сооружения баррикад. Сооружение баррикад производилось с таким расче-

том, чтобы воспрепятствовать проходу в центр города войсковым частям, расположенным в Николаевских казармах за Пресненской заставой, и отрезать доступы в управления всех трех участков Пресненской части. В то же время была сожжена на Кудринской площади телефонная будка, обслуживавшая всю Пресню.

В ночь на 18 декабря часть сооруженных баррикад была разобрана воинским отрядом, состоявшим из двух рот пехоты и нескольких орудий, но на следующий день во всех местах, где ночью были разобраны баррикады, снова были сооружены такие же.

Одновременно с постройкой баррикад на всех улицах района, а также на Прохоровской фабрике открыто появились отряды революционной боевой дружины, которые действовали в районе всей Пресни, доходя до Кудринской площади и Хамовников. В состав боевой дружины входили рабочие Прохоровской фабрики, фабрик Мамонтовых, Шмидт, Смит и сахарного завода. Все они были вооружены ружьями, револьверами и шашками; общее число дружинников было от 400 до 600 человек. Главное местопребывание дружины и управление ее находилось на Прохоровской фабрике.

С появлением на улицах отрядов боевой дружины началось обезоружение стоявших на постах городовых. В виду этого все полицейские посты были сняты.

11 декабря толпа вооруженных дружинников явилась в управление 3 уч. Пресненской части и, угрожая револьверами, обезоружила находившихся там двух околоточных и отобрала у них портфели с бумагами. В тот же день вечером революционеры подошли к управлению 1 уч. Пресненской части и, укрывшись за заборами соседних владений, открыли огонь по участку. Находившиеся в участке городовые вышли на двор и, начав перестрелку, вынудили дружинников отступить.

На следующее утро, когда большинство городовых было на короткое время отпущено по домам, управление 1 участка было окружено революционерами, из которых отряд около 20 человек вошел в помещение участка. В коридоре пришедшие встретили пристава Шестакова, которому один из них приставил револьвер к груди и сказал: „Советую не

сопротивляться, иначе вы будете расстреляны, а участок взорван", после чего окружили Шестакова и повели его в дежурную комнату. Войдя туда, дружинники окружили находившихся в комнате двух помощников пристава, околоточных надзирателей и городовых, приставив каждому из них к груди револьвер, затем обыскали всех полицейских и отняли у них шашки, при чем стальные надели на себя, а железные тут же сломали. После этого часть дружинников осталась караулить обезоруженных чинов полиции, в то время как другие произвели обыск в участке, перерыли все шкафы и столы, книги и бумаги порвали и раскидали, печати и штампы поломали. Затем производившие обыск прошли в квартиру Шестакова и взяли там два револьвера. После этого, предупредив пристава, чтобы он в течение четверти часа никуда не выходил, удалились.

После описанного нападения на 1 и 3 участки, управления обоих участков были переведены в Пресненский полицейский дом, где находится управление 2 участка; туда же постепенно были собраны полицейские чины обоих участков. С этого времени в течение нескольких дней Пресненский полицейский дом подвергался беспрерывному обстрелу со стороны дружинников, засевших в соседних домах.

На ряду с нападениями на полицейские участки отдельные отряды боевой дружины обходили квартиры городовых и отбирали у последних оружие. При этих посещениях в разное время у городовых было отобрано 6 револьверов и 47 шашек.

Отряды боевой дружины неоднократно нападали и на воинские части. В течение всего восстания дружинники устраивали засады по дворам и другим защищенным местам и оттуда обстреливали войсковые патрули и раз'езды. При отрядах состояли разведчики, которые сообщали о каждом появлении или передвижении войсковых частей; кроме того, между отрядами была установлена особая сигнализация.

Первое нападение на войска было произведено 11 декабря: дружинниками были зажжены балаганы за Пресненской заставой, и, когда посланная под охраной казаков пожарная команда в'ехала на Пресненский мост, из дома

Купчинской дружинники открыли стрельбу залпами и ранили при этом шесть рядовых казачьего полка, из которых один вскоре умер. Посланный на следующий день отряд пехоты и казаков для разборки баррикад около Пресненской заставы был обстрелян дружинниками и потерял ранеными двух рядовых казаков и одного пехотинца. В тот же день патруль Перновского полка, состоявший из унтерофицера Погонина, рядовых Логунова и Окубского и вольноопределяющегося Пятницкого, проходя берегом Москвареки близ Прохоровской фабрики, подвергся обстрелу со стороны отряда боевой дружины. В результате Погонин был убит, Логунов ранен, Пятницкий взят в плен, и лишь Окубский спасся бегством, преследуемый выстрелами. Захваченный революционерами Пятницкий пропал без вести.

В один из следующих дней отряд боевой дружины, засев за баррикадой около Пресненской заставы, стрелял в казачий раз'езд из 4 человек и заставил его удалиться. Около фабрики Мамонтовых казачий раз'езд из 3 человек также подвергся нападению. На Горбатом мосту отряд боевой дружины в количестве около 100 человек имел перестрелку с войсковыми частями. Со двора д. Бирюковой человек 50 революционеров обстреливали каланчу Пресненской части, на которой находились солдаты.

Кроме описанных случаев, ежедневно в течение всего мятежа отряды боевой дружины и отдельные лица стреляли из засад в появлявшиеся на улицах казачьи раз'езды.

12 декабря вечером проходивший около Горбатого моста околоточный надзиратель Сахаров был задержан дружинниками, которые отвели его на Прохоровскую фабрику. Через два дня на Москва-реке, саженях в 35 от Прохоровской фабрики, был найден труп Сахарова с многочисленными огнестрельными ранами на теле.

14 декабря вечером большая толпа дружинников окружила дом Скворцова в Волковом пер., где проживал начальник московской сыскной полиции Войлошников. Четверо дружинников арестовали Войлошникова и увели его с собой.

Войлошников был убит и труп его брошен в Волковом пер. близ дома, в котором он проживал.

„Вследствие огромного количества сооруженных в районе Пресни баррикад и малочисленности имевшегося в распо-

ряжении местной полиции войска,--говорит составитель обвинительного акта,—борьба с мятежниками была очень затруднительна, и лишь с прибытием 17 декабря утром частей лейб-гвардии Семеновского полка началось быстрое подавление мятежа".

ВЗЯТИЕ КРАСНОЙ ПРЕСНИ

Как уже сказано выше, Красная Пресня была защищена целой системой искусно сооруженных баррикад, которые, препятствуя продвижению воинских колонн, в то же время давали большое преимущество подвижным летучим отрядам дружинников, при обстреле наступающих из-за заборов и других прикрытий.

Даже из чрезвычайно скупого на описание „подробностей" этого финала московского вооруженного восстания официального документа — обвинительного акта — можно усмотреть, что взятие Пресни было далеко не „молниеносным делом".

Имея колоссальное преимущество в своей артиллерии и губительном огне дальнобойных солдатских винтовок, Семеновский полк, начав наступление рано утром 17 декабря, только к вечеру заставил своего вооруженного „пульверизаторами" (револьверами) противника капитулировать, и лишь 20 числа (через трое суток!) осмелился занять территорию мятежной фабрики.

В обвинительном акте эти заключительные события зафиксированы в таком виде:

„Прибывшие части Семеновского полка были разделены на три отряда, которые по трем разным направлениям двинулись на Пресню. По всему пути, начиная от Пресненского полицейского дома, мятежники из разных домов и дворов открыли сильную стрельбу по полковым колоннам. Из состава полка в этот день три нижних чина были убиты и три нижних чина были ранены.

В тот же день фабрика Прохоровской м-ры была обстрелена артиллерийским огнем, который был сосредоточен на здании, занятом „холостыми" спальнями рабочих. Во время бомбардировки дружинниками овладела паника, и они стали собирать и спешно уносить и прятать все имевшееся

у них оружие. Вечером фабричными рабочими было составлено и послано письмо командиру Семеновского полка с просьбой прекратить военные действия против фабрики и с обещанием не оказывать войскам сопротивления.

18 декабря утром был получен ответ от командира Семеновского полка, потребовавшего, между прочим, присылки ста безоружных рабочих для производства совместно с войсками разборки баррикад.

Когда собравшиеся в требуемом количестве рабочие с белым флагом подошли к Горбатому мосту и соединились там с отрядом Семеновского полка, из-за забора в рабочих началась стрельба залпами, которая прекратилась только после ответных выстрелов со стороны войска.

В этот день вечером на Прохоровскую фабрику был введен отряд Семеновского полка.

19 декабря администрацией фабрики был предпринят осмотр всех фабричных помещений, при чем было обнаружено, что у входной двери в химико-аналитическую лабораторию, которая была заперта и никем с 7 декабря не посещалась, сломан замок. В помещении лаборатории были найдены различные препараты, лаборатории не принадлежащие и, очевидно, принесенные извне, а именно: банка с нашатырем, две банки цианистого кали, глицерин, бертолетовая соль, азотная кислота, серная кислота, селитра, сера, желтая кровяная соль и порох.

На следующий день Прохоровская фабрика была занята отрядом Семеновского полка, который тотчас же приступил к обыску фабричных зданий. При осмотре корпуса, занятого спальнями рабочих, на чердаке были найдены зарытыми в земле восемь коробок, частью металлических, частью картонных различной величины, наполненных гремучим студнем и имеющих в боковой стенке по отверстию, в которые вставлены капсюли гремучей ртути с куском бикфордова шнура, и коробка с двадцатью двумя капсюлями гремучей ртути, из которых четыре были снабжены бикфордовым шнуром. Кроме того, там же было найдено разное огнестрельное оружие и патроны. При осмотре вновь строящегося фабричного корпуса в подвале было найдено замурованным в стене разное оружие, а именно: 15 ружей разных систем, 6 револьверов и 14 шашек, а также корзина и

кулек, наполненные патронами различных образцов. Тут же была найдена ручная чугунная бомба, начиненная бездымным порохом, с капсюлей гремучей ртути и бикфордовым шнуром.

По заключению эксперта, коробки с гремучим студнем представляют из себя разрывные снаряды-бомбы, обладающие силою взрыва, достаточною для разрушения каменного здания, чугунная же бомба представляет собой ручной метательный разрывной снаряд. Из числа найденных в лаборатории химических препаратов некоторые, по заключению того же эксперта, будучи смешаны между собою, дают в соединении нитроглицерин и динамит, обладающие громадной разрывной силой".

Позднее, на основании полученных охранным отделением сведений, в указанном корпусе был произведен вторичный обыск, давший в руки властей еще 19 ружей, 9 револьверов, 4 шашки, 2 кинжала, более 100 патронов, коробку с гремучим студнем и связку разных бумаг. При осмотре этих бумаг среди них оказались два плана Пресненской части с различными пометками на них карандашем, план владений Прохоровской фабрики, записная книжка с отметками о получении от разных лиц оружия и о выдаче такового, клочок бумаги с отметками о получении валеных сапог, расписание дежурств и два экземпляра воззвания к солдатам, которым последние приглашались не стрелять в рабочих и не подчиняться офицерам, а также помочь народу установить новое правительство.

„21-го декабря воинские части покинули Прохоровскую фабрику и район Пресни, — констатирует обвинительный акт,—где к тому времени уже было установлено свободное движение по улицам".

И только! Ни слова об импровизированном тут же на поле битвы „военном суде" из семеновских офицеров, о массовых расстрелах и порке на Горбатом мосту и на прохоровском фабричном дворе и, наконец, о разрушенной до основания артиллерийским огнем мебельной фабрике Шмидта!

На развалинах сгоревшей фабрики Шмидта революционная Москва в 1920 году поставила памятник-плиту с надписью:

Декабрьское восстание на Пресне
Декабрь 1905 год
Декабрь 1920 год

19179

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Красная Пресня была покорена, и началось так называемое „предварительное следствие", в котором главная роль принадлежала охранке. Угрозами смертью, денежными выдачами предателям и, наконец, просто кулаками вымогались и выколачивались нужные для обвинения показания и оговоры товарищей. Большую помощь оказал жандармам депутат-зубатовец Сергей Дмитриев, пользовавшийся, как указывается в обвинительном акте, „большим доверием и огромным влиянием на рабочих" и почти всегда председательствовавший на фабричных собраниях. По его настоянию прежние старосты были заменены депутатами.

Благополучно скрывшись во время разгрома Пресни, этот „революционер" 23 февраля 1906 года добровольно явился во 2 уч. Тверской части с повинной. На допросе в охранном отделении „Дмитриев дал подробное показание о своем участии в вооруженном восстании. Между прочим он об'яснил, что на собраниях рабочих, происходивших под его председательством, выступали в качестве ораторов несколько лиц, принадлежавших к партии соц.-рев. и известных среди рабочих под кличками „Седой", „Мартынов", „Ильин", „Андреев", „Пчелка" и „Павлова". На этих же собраниях производился сбор денег на вооружение рабочих и на печатание прокламаций революционного характера. По предложению упомянутого „Мартынова" от фабрики были выбраны делегаты в „Совет рабочих депутатов". Выбранными оказались: он, Дмитриев Иван Куклев, Василий Осипов, Александр Касаткин, Гавриил Калеев, Павел Тюльпин, Никита Павлов-Меркулов, Сергей Филиппов, Иван Баулин, Виктор Вальцыферов и еще двое, личность которых установить не удалось".

На допросе у судебного следователя Дмитриев, повторив свое показание, данное в охранном отделении, заявил, что он был вынужден принять участие в вооруженном восстании „под влиянием угроз со стороны социалистов-революционеров", что он раскаивается в своем заблуждении и просит исходатайствовать ему прощение перед высочайшей властью.

Как увидим ниже, это покаянное предательство не спасло бывшего зубатовца от кары: использовав, как следует, его

ценные для судебного следствия показания, царский суд все-таки отправил его в каторжные работы.

На основании показаний „раскаявшегося“ Дмитриева и целого ряда других свидетелей, обвинительный акт дает обстоятельную картину организации и руководства вооруженным восстанием на Пресне, надо полагать, близкую к действительности, и подробно рассказывает об участии в этом восстании каждого отдельного обвиняемого. Из этого же следственного материала видно, с какой исключительной энергией и талантом „штатскими“ руководителями было организовано и проведено это первое вооруженное восстание, с какими в сущности ничтожными средствами Красная Пресня сумела продержаться с 7-го до позднего вечера 17-го декабря *).

„На следующий день после сооружения баррикад,—говорится в обвинительном акте,—на Прохоровской фабрике была организована боевая дружина“ из рабочих этой и других фабрик. Командование дружиной приняли на себя „Седой“, „Мартынов“ и „Медведь“.

Таким же порядком была сформирована боевая дружина на фабрике Мамонтовых, действиями которой руководили фабричный фельдшер Григорий Князятов, помощник заведующего фабрикой Иван Романов и садовник заведующего фабрикой Шиханов. Мамонтовская дружина влилась в Прохоровскую и об руку с последней участвовала во всех „делах“ против полиции и войск.

„Упомянутые „Седой“, „Медведь“, „Мартынов“, „Ильин“, „Пчелка“, „Павлова“ и еще несколько интеллигентов образовали особый комитет, в состав которого вошли также все 12 прохоровских рабочих депутатов. Этот комитет олице-

*) Капитуляция Красной Пресни была, конечно, неизбежна, раз не был выполнен (благодаря предательству) первоначальный план восстания, осуществление которого было поручено „фидлеровцам“, и который заключался в захвате 9 декабря московского арсенала, аресте генерал-губернатора Дубасова и взрыве одного из мостов на Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороге. Этими тремя актами и должно было начаться вооруженное восстание в Москве. Уже один захват „адмирала Москворецкого флота“, как был прозван Дубасов, несомненно, произвел бы огромное моральное впечатление на колеблющийся московский гарнизон и, возможно, повлек бы за собой открытый переход московских воинских частей на сторону восставшего пролетариата. *А. С.*

творял собою революционную власть в Красно-Пресненском районе и руководил всеми партизанскими операциями боевой дружины. Таким образом военное и гражданское управление на Пресне в декабрьские дни 1905 года было коллегиальное. В комитет приводили всех задержанных и арестованных, и он решал, как с ними поступить.

Сюда, между прочим, приведены были шестеро солдат-артиллеристов, которых комитет отпустил, даже не отобрав у них шашек, на честное слово, что они испортят в своей батарее орудия и тогда вернутся на Прохоровскую фабрику. Здесь же были вынесены смертные приговоры начальнику московской сыскной полиции Войлошникову и околоточному надзирателю Сахарову.

Комитет помещался в здании так называемой малой кухни, получившей вследствие этого название „бюро". Там же размещалась и боевая дружина. У входа в „бюро" был поставлен караул, и никто, к составу боевой дружины не принадлежавший, в это помещение не допускался. В „бюро" находился склад оружия, и там же „Пчелка" и „Павлова" занимались изготовлением патронов.

Как уже упоминалось выше, боевая дружина имела разведчиков и пользовалась особой сигнализацией, которые позволяли ей внезапно нападать на противника и во-время скрываться от приближающейся опасности. При боевой дружине действовал летучий санитарный отряд для помощи раненым, сопровождавший дружинников и за пределы фабрики.

Для несения караульной службы привлекались рабочие, не принадлежавшие к составу боевой дружины.

Не забыта была организаторами и такая сравнительно мелкая деталь, как снабжение караульных теплой обувью. Среди рабочих был произведен сбор пожертвований валенками для караульных.

Наконец, для продовольствия боевой дружины в городском училище имени Копейкина-Серебрякова, в Предтеченском пер., была оборудована столовая. Столовой этой заведывала учительница Дробинская вместе со своей подругой Столяровой.

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ

После оглашения обвинительного акта Палата приступает к проверке материалов предварительного следствия.

На обычный вопрос о виновности Мухина („Пчелка“) заявляет, что никаких об'яснений она давать не желает.

Подсудимый Честнов выражает радость, что „имел счастье принять активное участие в борьбе за права угнетенного народа“.

Остальные обвиняемые дают отрицательные ответы.

Перед допросом свидетелей происходит следующий инцидент.

Обвиняемые Честнов и Смирнов заявляют, что всех содержащихся под стражей доставляют из Таганской тюрьмы в суд пешком. Это настолько утомляет их, что они не могут с должным вниманием следить за делом, и решительно отказываются присутствовать на суде, если не будет изменен способ их доставки.

Защита с своей стороны просит распоряжения о том, чтобы подсудимым давали в суде обед, так как иначе они по 8 и больше часов остаются без пищи.

На то и другое заявление следует стереотипное председательское раз'яснение, что, мол, Палата тут ни при чем, но что она снесется, с кем следует.

Попытка прис. пов. Ордынского во время перерыва сделать сбор среди публики на пищу подсудимым кончается полицейским протоколом.

Начинается допрос свидетелей.

Первым вызывается директор и владелец Прохоровской Трехгорной мануфактуры Н. И. Прохоров. Он дает показания Палате, словно находясь в кругу хороших знакомых.

Гроза миновала год назад, фабрика давным-давно пущена в ход, все идет по-старому, и свидетель спокойно и не торопясь рассказывает Палате о событиях, вплоть до прихода на фабрику семеновцев и „умиротворения“ Красной Пресни.

С первых же слов обращает на себя внимание одна характерная особенность его показаний: свидетель удивительно точно помнит все даты, часы и даже минуты отдельных эпизодов восстания как на территории фабрики, так

и поблизости. Получается впечатление, что свидетель среди ужасов уличной борьбы, под треск выстрелов и гром артиллерийских орудий, все время сохранял полное спокойствие и с часами в руках бесстрастным взором пытливого наблюдателя следил за развитием событий. Появлялась у фабричных ворот буйная толпа, раздавался одиночный выстрел—и свидетель запомнил, что толпа приходила в начале шестого часа вечера, а выстрел он слышал около двух часов дня, и т. д. В общем показания его во всем совпадают с данными обвинительного акта. О заключительном акте вооруженного восстания на территории фабрики он повествует так.

17 декабря, когда начался обстрел фабрики артиллерийским огнем, один из чинов фабричной пожарной команды сообщил ему, что теперь представляется возможным уговорить рабочих пойти с белым флагом к командиру Семеновского полка. И, действительно, рабочих уговорили, и депутаты от них отправились к полковнику Мину. Мин прекратил огонь, и затем солдаты заняли фабричную территорию.

Подкупленная таким обстоятельным повествованием публика ожидает, что сейчас свидетель также подробно и об'ективно будет рассказывать о действиях семеновцев. Но ее ждет полное разочарование. Удивительная память свидетеля тут изменяет ему, и он отзывается полным незнанием того, что у него на фабрике делали солдаты. Лишь 21 декабря (спустя четыре дня!) Прохоров у з н а л, что семеновцами на его дворе было расстреляно 16 человек его рабочих.

Не мог он также ответить на вопрос защиты, откуда стали известны семеновцам имена рабочих депутатов.

Об отдельных подсудимых свидетель дает, однако, самые лучшие отзывы. Некоторых из них он знает с детства, они окончили курс в фабричной школе и потом стали работать на фабрике. Во время вооруженного восстания рабочие не тревожили его и только однажды пришли к нему с просьбой выдать им ключи от химической лаборатории. Свидетель отказал, и рабочие не настаивали, а попросту сломали замок.

Хотя отношения у Н. И. Прохорова с рабочими были, по его словам, самые наилучшие, тем не менее на фабрике

всегда пребывали один околоточный надзиратель и 6 городовых, и обо всем происходившем на фабричной территории администрация фабрики всегда узнавала своевременно.

Вторым допрашивается владелец сургучной фабрики Мамонтов, рабочие которого действовали единым фронтом с прохоровцами. Он немногословен.

По словам свидетеля, у администрации фабрики с рабочими издавна существовали натянутые отношения, и потому, как только запахло порохом, Мамонтов благоразумно поспешил уехал за границу и вернулся лишь в январе месяце. Как известно, Мамонтовская фабрика в декабрьские дни была сожжена.

Далее перед Палатой проходит ряд свидетелей из числа фабричной администрации и рабочих Прохоровской фабрики.

Насколько неодинаково социальное положение этих двух групп свидетелей, настолько же различны и их показания. Свидетели первой группы говорят уверенно, в категорической форме и в общем вполне подтверждают данные обвинительного акта; второй—в большинстве существенно изменяют свои показания, данные на предварительном следствии, а иные прямо и определенно отрекаются от них.

Свидетели этой группы в значительной мере облегчают трудное положение защиты, которую председатель то и дело обрывает, особенно по вопросам о бессудных казнях и порке на фабричном дворе.

— Семеновские офицеры расстреливали в силу данной им инструкции, и потому выяснение их действий не имеет никакого отношения к настоящему делу,—раздраженно внушает он защите.

Напрасно защита заявляет, что она и не намерена входить в оценку этой „инструкции“, а лишь стремится установить, насколько действия семеновцев могли влиять на свидетелей при даче ими показаний.

Но председатель непреклонен и энергично подавляет всякую попытку приподнять на минуту кровавую завесу, за которой чуются наспех, „по-военному“ осужденные на основании показаний обезумевших от страха свидетелей, и тут же, на фабричном дворе, в двух шагах от „суда“ казненные люди.

Вообще председатель принимает очень деятельное участие в допросе свидетелей, при чем при очной ставке

свидетелей с обвиняемыми беспрестанно прибегает к такому упрощенному способу:

— Свидетель, вы знаете подсудимого такого-то? и тотчас же:

— Подсудимый, встаньте!

И, когда последний встает, спрашивает:—Этот?

И большей частью получает ответ:

— Этот самый!

На ряду с этим прием защиты, предлагавшей свидетелям узнать среди сидящих подсудимых данного обвиняемого, несколько раз давал обратные результаты.

Свидетели, по их словам, хорошо знали оговариваемых ими, помнят, что они делали в декабрьские дни, а узнать в лицо их не могут.

Допрос пристава 2 уч. Пресненской части Шестакова и его помощника Полякова дает несколько интересных моментов.

Оба свидетеля—в некотором роде соратники Мина в его военных действиях при взятии Красной Пресни. Они информировали его, давали необходимые указания.

Первый подробно рассказывает о нападении на „вверенное ему управление участка“ отряда революционеров под командой „Седого“.

Рисуя революционеров в самых непривлекательных красках, оба свидетеля, однако, признаются, что персонально они не пострадали от этих ужасных людей, и после разгрома участка вместе с женой Шестакова и гувернанткой прошли невредимыми через „неприятельские“ баррикады.

Свидетель Поляков рассказывает, как он сопровождал Мина на Пресню, как тот сортировал публику на Горбатом мосту,—одних арестовывал, а других... вообще...

Свидетель останавливается и добродушно смотрит на судей.

Защита пытается выяснить значение этого „вообще“, т.-е. был ли свидетель очевидцем, как расстреливали рабочих, но председатель поспешно обрывает:

— Это к делу не относится.

В конце-концов, однако, несмотря на все репрессии председателя, судебное следствие мало-по-малу раскрывает потрясающую картину „покорения“ Пресни, под впечатле-

нием которой обезумевшие от страха люди давали показания, заботясь лишь об одном—о сохранении собственной жизни, хотя бы ценою оговора и гибели товарищей. Многие, по их признанию, давали показания под дулом винтовки или револьвера, под свист розог и вопли истязуемых.

О том, как семеновские офицеры добивались сознания от арестованных, рассказывает подсудимый Дмитриев.

После допроса свидетеля Гусарова, который вместе с Дмитриевым был арестован на Горбатом мосту и приведен в находившийся поблизости ресторан, где заседал Мин с офицерами, Дмитриев задает Гусарову вопрос:

— Не помните ли, что когда солдат называл меня руководителем революционеров, а я это отрицал, то один офицер со словами: „Солдат крест целовал, а, следовательно, не станет лгать, а ты револьвер готов поцеловать“,—ударил меня в рот револьвером?

Свидетель отвечает, что слова эти помнит, но только револьвера офицер как будто не вынимал.

Сильное впечатление производит показание фабричного городового Комарова. Группа рабочих отобрала у него оружие и запретила ему выходить на службу. На предложение председателя указать тех подсудимых, которые обезоружили его, Комаров отвечает, что их здесь нет ни одного, так как те все осуждены...

— Как осуждены? Кем осуждены?—взволнованно спрашивает защита.

И прежде чем Зорин успевает пресечь „неуместные подробности“, свидетель добродушно отвечает:

— Кем? Известно, семеновцами. Одних перестреляли, других перепороли, а те, которые уцелели, по деревням раз'ехались.

Защита еще и еще раз обращает внимание Особого Присутствия на то чрезвычайно важное и имеющее существенное значение для судьбы подсудимых разногласие данных предварительного следствия с показаниями на суде. С одной стороны, совершенно падают приписываемые подсудимым обвинения, которые так ярко и выпукло нарисованы предварительным следствием, а с другой—во всем своем ужасе выступают на суде подвиги семеновцев, на что, однако, в обвинительном акте нет никаких указаний.

Просьба защиты не стеснять ее в выяснении этих игнорированных следствием подробностей, конечно, отклоняется.

Свидетель Латышев при „сортировке“ народа на Прохоровской фабрике был приговорен к расстрелу и только чудом остался цел. Воспоминание об этом настолько, спустя уже год, преследует его, что он производит впечатление не совсем нормального человека, не обращает внимания на предлагаемые ему вопросы и твердит только об одном, как он „был забран под расстрел“.

— Вся вера была только сторожам да городовым,—скороговоркой с волнением говорит свидетель.—На кого они показывали, тех, значит, ставили на правую сторону, а прочих на левую...

Далее свидетель говорит (и другие это подтверждали), что непосредственно после „усмирения Пресни“ слово „прохоровец“ было предметом ужаса. Стоило кому-нибудь назвать так рабочего, как его немедленно хватали и тащили к следователю, а тот сейчас же приступал к допросу задержанного, обыкновенно начиная этот допрос с фразы: „Ну, теперь простись с семьей“.

— Много ли рабочих расстреляли семеновцы?—спрашивает защита.

— Свидетель, я вам запрещаю отвечать на этот вопрос, а вам, господин защитник, впредь задавать такие не относящиеся к делу вопросы,—говорит Зорин.

— Но ведь это крайне важно для дела, необходимо выяснить все те преступления, которые совершили семеновцы...

— Семеновцы творили суд, а не совершали преступления,—резко подчеркивает председатель.

Свидетель, 14-летний подросток, на вопрос, почему он не признает обвиняемого Петрикова, которого у судебного следователя признавал, откровенно заявляет:

— Мало ли что я мог с испугу наговорить!

Свидетель Луданов, оговоривший у следователя нескольких подсудимых, на гласном суде стойко и решительно отказывается от своих прежних показаний.

Напрасно председатель напоминает ему о „святости“ присяги и суровой ответственности за ложные показания и, наконец, осведомляется, понимает ли он то, что сейчас говорит.

— Вполне понимаю,—твердо, не задумываясь, отвечает свидетель.

Свидетель Чиканов повествует, каким образом он попал в свидетели и как от него отбирали показания.

Он подрался или, вернее, „дал сдачи“ ударившему его рабочему Соломонову. Тот обозлился и ночью привел к нему вдребезги пьяного городового. Последний арестовал его и повел на улицу. По дороге достал из-за голенища сапога патрон, зарядил винтовку и, приказав Чиканову стать к забору, прицелился в него и закричал:

— Говори, что знаешь!

Потом злополучного „свидетеля“ посадили в часть, куда к нему приезжал следователь, начавший свой разговор с предложения проститься с семьей.

От другого свидетеля, подростка Степанова, сам полковник Мин добивался показаний в таком роде:

— Покажи кого-нибудь!

Вопрос о том, кто убил начальника московской сыскной полиции Войлошникова, остался на суде невыясненным. Вызванные по этому делу вдова и сестра убитого заявили, что из приходивших арестовать покойного они никого не помнят и указать не могут. Сестра только помнит, что одного из дружинников его товарищи называли „Володей“ *).

Обвиняемый в убийстве Войлошникова 17-летний рабочий Карнеенков, отрицая свою виновность в этом преступлении, говорит суду:

— Когда меня арестовали, то жандарм первым делом спросил: простился ли я с родителями?—Нет,—ответил Карнеенков.—Ну, так и не удастся тебе с ними проститься,—сказал жандарм.

После этих слов юноша упал духом и ждал неминуемой смерти. Солдаты „утешали“ его, советуя: „Ты уж не спорь, когда тебя спрашивать будут, а подтверждай все вопросы, какие зададут“. Допрашивавший его жандармский офицер задавал ему наводящие вопросы, на которые он отвечал утвердительно. Только когда его спросили, участвовал ли он в убийстве Войлошникова, он, несмотря на свое угнетенное состояние, сообразил, что в случае утвердительного

---

*) Казненный до суда Владимир Мазурин.

А. С.

ответа ему грозит смерть, и признал себя виновным только в арестовании Войлошникова. Когда же ему показывали карточки „Седого", „Медведя" и некоторых рабочих и предлагали признать их за дружинников, он беспрекословно подтверждал все.

Относительно подсудимого Клоповского, участвовавшего добровольцем в русско-японской войне, выяснилось, что он был захвачен семеновцами и приведен на Прохоровскую фабрику, где под председательством московского ген.-губернатора Дубасова заседал „суд" из семеновских офицеров. Этот „суд" приговорил Клоповского к 25 ударам плетьми, и приговор тотчас же был приведен в исполнение.

Эта подробность дает защите повод сделать следующее заявление:

— Председатель раз'яснил здесь, что семеновцы, наказывая расстрелом и плетьми заподозренных в участии в вооруженном восстании, не преступления совершали, а творили суд в силу данной им инструкции. Раз это так, то подсудимый Клоповский уже понес наказание по суду, а так как по основному положению никто не может быть судим дважды за одно и то же преступление, то Клоповский должен быть освобожден от настоящего суда.

Конечно, Палата Клоповского не освободила.

Подсудимому Бахвалову обвинительный акт инкриминирует активное участие в вооруженном восстании,—он будто бы находился среди боевой дружины, сооружал баррикады. На суде этот Бахвалов, так сказать, без слов опровергает тяготеющее над ним обвинение: у него совсем нет левой ноги, и он с большим трудом передвигается на костылях. Хорош дружинник!

Как увидим ниже, указанный физический недостаток не только не помешал Бахвалову сесть на скамью подсудимых, но и получить два года арестантских отделений.

Из показаний сестры обвиняемого гимназиста Морозова-Германова выясняется, что брат ее был оговорен провокатором Карпушенковым, который сам громогласно бахвалился, что он получал от семеновцев по 75 рублей за каждого выданного им „дружинника".

А как в декабрьские дни обывательской массой понималось слово „дружинник" — раз'ясняет другой свидетель,

назвавший так у следователя подсудимого Гусарова. На вопрос защитника, кого он собственно относит к разряду „дружинников“, свидетель после минутного раздумья, под смех всего зала, отвечает:

— Вообще православные...

Вызывают свидетеля Ломакина.

Ломакин—глубокий старик. Его сына расстреляли семеновцы. Он шел в царский суд с надеждой, что ему там позволят рассказать всю „правду“ о сыне, отвести душу. Он так и начинает со слезами в голосе:

— Позвольте мне заявить о сыне...

Но председатель запрещает ему говорить, и старик уходит, недоумевающий и потрясенный.

Другой старик, свидетель Кузнецов, полуслепой, еле стоит на ногах.

— Что вы знаете по настоящему делу?

— Все мы виноваты, ваше благородие,—шамкает свидетель.

— Да вы-то что знаете?

— Я—старый человек, 70 годов живу в Москве...

— Заставляли вас строить баррикады?

— Заставляли, заставляли...

— Кто заставлял?

— А кто их знает; я человек слепой, ничего почесть не вижу.

— Грозили вас убить?

— Зачем меня убивать? Я и так скоро помру.

— А все-таки грозили?

— Я—слепой человек, 70 годов живу в Москве, в участке ни разу не был...

— Да не о том вас спрашивают,—теряет терпение председатель.—Вот вы у судебного следователя обвиняемого Дмитриева называли...

Не дожидаясь приказания председателя, Дмитриев сам поднимается с места и задает Кузнецову вопрос, видал ли он когда его.

— Отроду тебя не видал и не знаю,—отвечает старик.

Перед окончанием судебного следствия в зале неожиданно появляется уже допрошенный и отпущенный домой свидетель Юдаев. Движимый, по его словам, раскаянием,

свидетель пришел „заявить сущую правду“: он напрасно оговорил обвиняемого Монахова,—в составе боевой дружины он его не видел.

Список свидетелей исчерпан. Читаются документы.

В своих показаниях у судебного следователя семеновские офицеры (Тимрот, Свешников и Левенстрем) называют по именам участвовавших в заседаниях революционного прохоровского „бюро“, но сообщают это на основании опроса лиц, которых они „указать не могут“.

Следственной власти попали в руки несколько записок Честнова „на волю“. В них 17-тилетний юноша, сам только что случайно избежавший семеновского „суда“, т.-е. расстрела, потрясенный всем пережитым, находящийся в тюрьме, с трогательной заботливостью просит товарищей предупредить главных организаторов и руководителей вооруженной борьбы: „Седого“, „Мартынова“, „Ильина“, „Володю“ „Пчелку“ и др., а также рабочих депутатов, что их усиленно разыскивают и что им необходимо немедленно скрыться из Москвы.

После оглашения этих записок Честнов просит разрешения дать об'яснение и, получив его, говорит:

— Когда вооруженное восстание было подавлено свирепыми семеновцами, я понял, что меня расстреляют, как уже расстреляли десятки моих товарищей. Я стал скрываться. Охранное отделение, желая изловить меня или напасть на мой след, арестовало моих родителей, рассчитывая, очевидно, что я так или иначе отзовусь на их арест; но я не поддался на такую удочку.

Арестован он был только 20 января, благодаря вероломству товарища. Сначала его направили в Хамовническую часть, а оттуда в охранное отделение, где его встретили вопросом: „Ты участвовал в вооруженном восстании?“ И когда Честнов ответил „нет“, то сейчас же получил удар по лицу. Затем ему категорически об'явили, что если он не будет давать показаний, то все равно его заставят силой подписать те показания, которые будут занесены в протокол допроса. Потом его стали ежедневно требовать на допросы, каждый раз сопровождавшиеся угрозами и побоями. Несколько дней он крепился. 22 января он был жестоко избит городовыми. 24 ему об'явили, что даль-

нейшее запирательство приведет к расстрелу. Тогда Честнов не выдержал и подписал якобы свои показания, которых на самом деле он не давал.

В заключение Честнов заявляет, что по обвинительному акту вместе с ним в сокрытии оружия обвиняются еще двое товарищей. Эту часть обвинения он берет исключительно на себя, так как на самом деле он один прятал оружие. Он знал, что за каждую винтовку или даже патрон грозит смерть, и потому предложил товарищам сдавать все оружие ему, и он уже прятал его в укромные места.

Пожелал дать об'яснение и подсудимый Дмитриев, рабочий депутат, по словам свидетеля Муравьева состоявший раньше в зубатовской организации.

Внося поправки в свои добровольные показания на предварительном следствии (как уже упоминалось, он сам явился с повинной), Дмитриев заявляет, что ничего не говорил о прохоровском революционном комитете и входивших в него лицах. Подсудимая Мухина, по его словам, не похожа на ту женщину, которую называли „Пчелкой".

РЕЧИ СТОРОН

По окончании судебного следствия начались речи сторон.

Прокурор, отказавшись от обвинения 16 человек, остальных подсудимых разделил на две группы: 1) подлежащие ответственности по 100 ст. и 2) по 51 ст.

В первую группу государственный обвинитель зачислил главных идейных виновников и руководителей вооруженного восстания—всех интеллигентов, указанных предварительным следствием, но скрывшихся от суда. Из этой группы на скамье подсудимых находится одна лишь Мухина—„Пчелка".

Ко второй группе, но к этой же категории обвиняемых, прокурор отнес всех участвовавших в Совете рабочих депутатов и разделявших, хотя, быть может, под влиянием тех же интеллигентов, всю их революционную деятельность. Сюда же вошли все те рабочие, которые находились в близких сношениях с комитетом,—Зеленцов, Комиссаров и др., и которые участвовали в нападениях на полицейские участки, стреляли в войска и полицию.

Всех этих обвиняемых прокурор предлагал Палате покрыть одной общей шапкой, т.-е. применить к ним сотую и 51-ю ст.

Речь прис. пов. Маклакова, говорившего первым, была посвящена вопросу о неприменимости к настоящему делу сотой статьи.

Защитник Мухиной—Муравьев доказывал тенденциозность и недостоверность всего следственного материала, добытого предварительным следствием, и выразил надежду, что Палата, при суждении о степени виновности каждого подсудимого, откинет этот материал, как явно недоброкачественный.

Защитник Дробинской Жданов высказал удивление поводу предложения государственного обвинителя применить к его подзащитной сотую статью.

— Где и когда мирное занятие в кухне считалось деянием революционным, щи и каша—средствами, направленными к ниспровержению существующего строя, а ухваты и чумычки—орудиями ниспровержения?

— Если накормить голодного,—продолжал защитник,—является преступлением, то, по прокурорской логике, подлежит ответственности любой содержатель трактира, в который революционеры заходили выпить чаю и закусить.

ПРИГОВОР

Палата поставила на свое разрешение 131 вопрос, с подразделением их на три категории: 1) обвинение по 100 ст. Угол. Улож., 2) по 123 ст. и 3) обвинение в отдельных преступлениях—убийстве Войлошникова, околоточного Сахарова и др.

После 13-тидневного разбирательства, 11 декабря Особым Присутствием Московской Судебной Палаты был вынесен приговор краснопресненцам, который, вероятно, в известной степени удовлетворил министра юстиции и иже с ним.

Палата применила 2 п. 100 ст. к целому ряду подсудимых и приговорила:

в каторжные работы—Тюльпина, Кузина и Еремина на 12 лет каждого; Дмитриева и Осипова—на 10 лет; Зеленцова, Комиссарова и Смирнова—на 4 года каждого и Честнова—на 3 года;

к ссылке на поселение—Мухину („Пчелку"), Куклева, Филиппова Сергея, Овчинникова, Канаева, Будаевского, Гудилина и Карнеенкова;

в исправительные арестантские отделения признанных виновными по 123 ст.: Козыреву, Гусарова и Хоренкова—на 3 года каждого; Бахвалова (безногий инвалид) на 2 года, Меркулова—на 1 г. 10 м.; Клоповского на 1 г. 9 м.; гимназиста Морозова-Германова и Крупина—на 1 г. 8 м. каждого, учительницу Дробинскую—на 1 г. 6 мес. и Филиппова на 9 месяцев.

Никому из содержавшихся под стражей Палата не зачла 11-тимесячного предварительного заключения.

35 обвиняемых оправданы.

Когда председатель огласил первую часть приговора, назначающую каторжные работы, в публике раздались истерические вопли и рыдания. Взволнованные осужденные стали громко увещевать своих близких.

Зорин прервал чтение и распорядился ввести в зал наряд полицейских, которые и стали стеной между публикой и подсудимыми.

Но вот чтение приговора окончено...

— Прощайте, товарищи!—возбужденно кричат осужденные оправданным.

— Нет, нет, до свидания! Скоро увидимся!—отвечают те.

РУССКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА

И вдруг... в тот момент, когда коронные судьи в своих расшитых золотом мундирах гуськом друг за другом выходили в боковую дверь, из группы осужденных раздались мощные звуки боевой песни рабочего люда:

Отречемся от старого мира;
Отрясем его прах с наших ног...

немедленно подхваченные оправданными, остававшимися в зале свидетелями и публикой.

Момент был незабываемый. Чопорный Екатерининский зал с портретами нескольких „венценосцев", масса вооруженных полицейских, конвойные с саблями наголо—и эта железная песня, от звуков которой сразу захватывает ды-

ханце, за спиной вырастают крылья и сердце наполняется жаждой борьбы, подвига...

Полицейские так растерялись, что беспрепятственно дали окончить марсельезу и затянуть Похоронный марш, под звуки которого и вывели в коридор осужденных.

Так закончилась краснопресненская революционная эпопея в царском суде.

1905 г. Сборник Воспоминаний. Вып. 2-й. Петербургский и Московский Совет Рабочих Депутатов.

МИЛЮТИН. Накануне революции. 1905 год в Москве. Вооруженное восстание.

СОКОЛИНСКИЙ. Красная пресня перед царским судом. 34 стр.

Подполье (из истории революционного движения в Сокольниках). Сборник посвященный деятельности Сокольнической организации РСДРП (б.) 144 стр.

КРЕТОВ. Крестьянство в революции 1905—6 г. 8½ лист.

ПОПОВА Е—1905 г. по уездам Моск. губ. 108 стр.
„ — 5-й год в Моск губ. приб. 14 л.
„ — Пятый год в Москве. Сборник 3-й.
Жизнь, деятельность и смерть Баумана. Сборник.
Октябрьские дни. Изд. II.
Альбом—к 5-му году.
Лядов—1905 год.
5 плакатов к 20-тилетию пятого года.

ЗИНОВЬЕВ Г. Коммунисты и социал-демократы и рабочее единство. — Немецкая делегация у тов. Зиновьева.

Перевод с немецкой стенограммы речей **Г. Зиновьева** и участников первой немецкой рабочей делегации в СССР. 45 стр. С иллюстрац. 25 коп.

БИРО, К. Социал-демократическая партия и контр-революция в Венгрии.
СОДЕРЖАНИЕ: Введение. Этапы контр-революции до „оздоровительных“ мероприятий Антанты. История рабочего движения от падения советской власти до мероприятий Лиги Нации по „оздоровлению“. Специфические особенности рабочих организации Весегрич. Венгерская С Д.П. и ее преступления. Экономическое и политическое положение с момента „оздоровительных“ мероприятий Лиги Наций. Кризис ВСДП и основание Венгерской Социалистической Рабочей Партии (ВСРП). Приложения.

ПИКЕЛЬ, Р. Опыт Путеводителя по ленинским сборникам. 72 стр. 25 к.
СОДЕРЖАНИЕ: Значение ленинских сборников. Несколько замечаний о методологии ленинизма.

Ленин о диктатуре пролетариата. Документы из эпохи „ИСКРЫ“ и „ЗАРИ“ Письма Ленина к Шляпникову и Коллонтай. Из эмиграции в Россию. Письма Ленина к Горькому.

Цель брошюры помочь партийцу, приступающему к изучению „Ленинских сборников“ наиболее легко ориентироваться в колоссальном материале, разбросанном на протяжении полутора тысяч страниц и таким образом, дать руководящую нить к более углубленному пониманию и усвоению ценнейших документов, написанных **В. И Лениным** и впервые опубликованных в этих сборниках.

БУСАРЕВ, Н., МАЙМИН, А и СОКОЛОВСКИЙ, С. Цехячейка на предприятии. Под редакцией и с предисловием **Н. Угланова**. 64 стр. 20 к.
СОДЕРЖАНИЕ: Организация цехячейки, ее задачи и общее руководство. Внутрипартийная работа. Массовая работа. Работа среди женщин. Приложения.

Книжка является хорошим пособием для низовых партработников и членов партии вообщей Ценна она тем, что авторы уловили, ясно выразили и на примерах показали проводимую нашей партией линию втягивания в социалистическое строительство широких рабочих масс.

КРЕТОВ, Ф. Деревня после революции. С предисл. **С. Диканского** 116 стр. 70 коп.
СОДЕРЖАНИЕ: Социально экономическое положение волости. Сельское хозяйство. Кооперация и частная торговля. Комитеты крестьянской взаимопомощи. Советская власть. Культурно-политические силы волости. Приложение.

СОЛЬЦ, А. и ФАЙНБЛИТ С. Революционная законность и наша карательная политика. 126 стр. 70 коп.

ГОРОХОВ, В. А. Первый Интернационал и русский социализм. „Народное Дело“ Русская Секция Интернационала 1864—1870 г.г. 132 стр. 75 коп.
СОДЕРЖАНИЕ: Введение. „Молодая эмиграция“ Первый номер „Народного Дела“. Группа „Народного Дела“. „Народное Дело“ и Нечаев. „Русская секция (1870 г.). После 1870 г. Общая постановка проблемы социализма в „Народном Деле“ „Народное Дело“ и I-й Интернационал. „Народное Дело“ и социал-демократия I-го Интернационала. Обоснование русского социалистического движения. Полемика. Вопрос о социализме и политической борьбе. Вопросы тактики и организации. Итоги и выводы.

2р

Цена 30 к.

10580

7